

A portrait of Valeriy Khharlamov, a Russian hockey player, wearing a red jersey with white trim. He has dark hair and is looking directly at the camera. The background is a plain, light blue-grey color.

Валерий ХАРЛАМОВ

«Легенда хоккея»

OZON.RU

ПОСТОЯННО
УСЛУЖИВАЮТ

Екатерина Александровна Мишаненкова Харламов. Легенда хоккея

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658194

Харламов. Легенда хоккея /авт.-сост. Мишаненкова Е. А. : АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083479-2, 978-5-17-083926-1

Аннотация

Его часто сравнивали с кометой, промчавшейся по спортивному небосклону. Его называли хоккейным Пушкиным. Его обожали зрители, уважали соперники и оплакивал весь мир... Его имя было известно каждому! В серии игр СССР – Канада Харламов заставил дрогнуть прежде непобедимых канадских профессионалов. Ему предлагали миллионы, чтобы он уехал играть в Америку. И при всем этом Валерий Борисович даже не считал себя звездой... Он всегда говорил о хоккее, о тренерах, о друзьях, о болельщиках, но почти никогда о себе. Легендарный № 17. Человек, имя которого будут помнить, пока жив хоккей. Валерий Харламов.

Содержание

Введение	4
Обычные-необычные родители	6
Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»	8
Лев Лебедев, спортивный обозреватель газеты «Правда»	13
Слабенький ребенок	15
Борис Харламов, отец Валерия Харламова	18
Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Харламов. Легенда хоккея

автор-составитель

Мишаненкова Е. А

Введение

Хоккей – игра не для трусливых.

Его часто сравнивали с кометой, промчавшейся по спортивному небосклону.

Его называли хоккейным Пушкиным.

Его обожали зрители, уважали друзья и соперники и оплакивал весь мир...

В 70-е годы его имя было известно всему Советскому Союзу... Ла что там Советскому Союзу – всему миру! В серии игр СССР – Канада оно прогремело так, что заставило дрогнуть прежде непобедимых канадских профессионалов.

Ему предлагали миллионы, чтобы он уехал играть в Америку.

И при всем этом он даже не считал себя звездой... Он всегда говорил о хоккее, о тренерах, о друзьях, о болельщиках, но почти никогда о себе.

Легендарный № 17. Человек, имя которого будут пом-

нить, пока жив хоккей.

Обычные-необычные родители

Хоккей – моя стихия, счастливое увлечение; эта искрометная темпераментная игра неиссякаема, как неиссякаема в человеке жажда соперничества и самоутверждения. Шайба снова в игре, снова вскипают страсти, снова скорости кажутся уже неподвластными хоккеистам, снова летит на тебя защитник, и ты знаешь, что уступить ему не имеешь права: ведь «трус не играет в хоккей». И игра эта торжествует, живет, влечет миллионы мальчишек, мечтающих встать рядом с нами, прийти к нам на смену.

Валерий Харламов родился в Москве в ночь с 13 на 14 января 1948 года.

Но прежде чем начинать рассказ о нем, обязательно надо вспомнить его родителей, которые не только вырастили сына-чемпиона, но и сами по себе были людьми неординарными.

Отец Валерия, Борис Сергеевич Харламов, был слесарем-испытателем на московском заводе «Коммунар», куда пришел в возрасте четырнадцати лет. Что поделаться, на дворе был 1941 год, к станку становились дети и младше него. Происходил он из старой рабочей семьи, переехавшей в Москву из Коломны, держал голубей, гонял на мотоцикле, любил

спорт и даже играл за заводскую сборную в хоккей с мячом.

Однажды на танцах в клубе завода «Коммунар» Борис встретил стройную смуглую девушку, работавшую токарем-револьверщицей. Пригласил ее на танец, потом на свидание, а через год они поженились, и у них родился сын, Валерий.

Романтично, но банально? Как бы не так! Ведь смуглая красавица была испанкой, а если точнее – басконкой из города Бильбао. Звали ее Кармен Ориве Абад, а друзья называли Бегонией. В июле 1937 года ее в числе сотен других испанских детей отправили в Советский Союз, чтобы спасти от ужасов гражданской войны, в которой ее родители, испанские коммунисты, сражались с фашистским режимом Франко.

Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»

Ориве Аббад Хермане – таково полное имя матери Валерия, но она просит называть ее Бегония. Так звали ее в Испании, откуда она девочкой была привезена в Советский Союз в конце тридцатых годов, когда на Пиренейском полуострове после мятежа генерала Франко вспыхнула гражданская война.

Она и сейчас пряма – без всяких полутонов и компромиссов – в своих суждениях. И, разговаривая с ней, понимаешь, почему Валерий Харламов был именно таким, каким он был.

«Сынок, разве ты не видишь, что женщине тяжело нести сумку?! Помоги ей...» – не отсюда ли начиналось то постоянное стремление Валерия помочь каждому – другу, партнеру, просто человеку, встретившемуся на его жизненном пути – нести его ношу. Особенно если она, эта ноша, была тяжелой.

«Валера, Таня, вот все деньги, что есть в доме. На две пары ботинок не хватит. Решайте, кому из вас ботинки нужнее...» Ответ радовал ее материнское сердце. Сын отвечал: «Конечно, Тане! Она – девочка. Должна быть красивой...» Дочь возражала: «Конечно, Валерке! У него от футбола ботинки совсем развалились. А я еще в старых могу похо-

дить...»

Взрослели дети, серьезнее становились проблемы. И уже сами дети начинали разговор с матерью. «Мам, я после школы пойду работать – пусть Валерка учится и играет в хоккей», – говорила дочь. «Нет, – возражал сын. – Деньги в дом должен приносить мужчина. Работать пойду я, а Татьяна пусть продолжает учиться...» И семейный совет решал...

Иной читатель скажет: а какая связь между покупкой ботинок и блестящими выступлениями Валерия Харламова на хоккейных площадках? Вот если бы мать так или иначе помогала сыну стать хоккеистом, это было бы к месту...

Нет, не помогала – так, как требует прямолинейный читатель – сыну. Более того, отец, Борис Сергеевич, и сын ходили на занятия в детскую хоккейную школу ЦСКА тайком от матери – у сына в детстве пошаливало сердце. А когда через год узнала об этом, у нее самой стало плохо с сердцем. Кстати, врачи к тому времени признали Валерия абсолютно здоровым.

Не стала мать и постоянной болельщицей Валерия, если под этим понимать постоянное место на трибуне, в котором бы ей, матери Харламова, конечно бы, никто не отказал. Она бывала на хоккее очень редко – лишь тогда, когда вопрос о победе в чемпионате ли страны, в международном ли турнире уже не стоял. В остальных случаях мать предпочитала следить за сыном сидя у телевизора, может быть, потому, что помнила, каким курьезом обернулось ее первое посещение

матча с участием Валерия.

– Играли они, – рассказывает Бегония, – на открытой площадке. Вокруг бортов такие снежные валы, а на них люди стоят, смотрят. Взобралась туда и я. Вдруг вижу несколько игроков столкнулись и упали. Потом все поднялись, а Валера лежит. Перенести это я не могла. Перелезла через борт и – к этому человеку со свистком: «Судья, куда вы смотрите?! Ребенок лежит...» Остальное можете представить себе сами. Вот с тех пор я на хоккей почти и не ходила...

Опять «не к месту» получается – мать, как видите, почти и не ходила на хоккей. Однако разве можно втиснуть жизнь в схему? Разве можно поставить разделительную черту между чисто хоккейными достоинствами Валерия Харламова и тем, что он с детства не мог безучастно смотреть на женщину или пожилого человека, несущего тяжесть?

Спорт – своеобразная сфера человеческой деятельности. Наблюдая, скажем, за работой слесаря, не сразу определишь – добрый человек этот слесарь или злой, честный он или лживый. Спорт же человека словно рентгеном просвечивает – на площадке не скроешь ни достоинств, ни недостатков. И уж коли не только партнеры, но и соперники – постоянные и желанные гости в доме, это говорит о многом. А в доме Харламовых кто только не бывал – и динамовцы, и спартаковцы, и, само собой разумеется, цесковцы. И многие из них обращались к Бегонии коротко и выразительно: «мать».

В атмосфере такой семьи талант, если он есть, не мог не

найти выражения. А Валерий был талантлив. Талантлив, как художник, – в широком смысле этого слова.

Но вскоре, как известно, на нашу страну тоже обрушилась война, и в 1942 году Бегония пошла на завод, чтобы помочь своей новой родине. Сначала она работала в Саратове, потом в Тбилиси, а в конце войны ее перевели в Москву, на тот же «Коммунар», где работал Борис Харламов. Но завод был большой, так что познакомились они лишь спустя пару лет на танцах в заводском клубе.

Любопытная деталь, которую в советское время, конечно, замалчивали, – на самом деле Валерий родился не после того, как его родители поженились, а за три месяца до официального заключения брака. Что поделать, Бегония была иностранкой, у нее даже не было вида на жительство, поэтому и замуж выйти она не могла. Потом эти формальности удалось уладить, но уже после рождения сына.

Впрочем, сами они себя считали мужем и женой, пусть и жили порознь – он на Соломенной сторожке, а она – в заводском общежитии на Тверской-Ямской улице. На собственную комнату им, пока они не были расписаны, естественно, даже рассчитывать не приходилось.

В ночь с 13 на 14 января, когда у Бегонии начались схватки, Борис был у нее в общежитии и сразу же вызвал заводскую машину «скорой помощи», которая забрала ее в роддом. Но доехать туда они не успели – роды оказались стре-

мительными, и Валерий Харламов появился на свет прямо в автомобиле.

Борис Харламов оставил жену в роддоме, а сам забрал ее вещи и отправился домой. На дворе была ночь, метро не работало, но молодому отцу было не до таких мелочей. В результате его задержал милицейский патруль, которому показалось странным, что кто-то гуляет в четыре часа утра, в январе, с отсутствующим видом, да еще и с узелком в руках. А уж когда оказалось, что в узелке у молодого человека женская одежда, а вот документов нет (он в спешке забыл их дома), его задержали и препроводили в отделение до выяснения личности. Правда, надо сказать, Борис был этому даже рад, поскольку январский мороз уже помог ему несколько прийти в себя, и он сообразил, что где-нибудь погреться будет вовсе не лишним.

Сына они с Бегонией называли Валерием, в честь Валерия Чкалова. Хотя некоторые биографы утверждают, что это имя было выбрано потому, что так звали младшего брата Бориса. Впрочем, одно другому не мешает, и он мог быть назван в честь обоих.

В 1949 году в семье Харламовых родился второй ребенок – девочка, которую называли Татьяной.

Лев Лебедев, спортивный обозреватель газеты «Правда»

Умение затронуть струны в человеке – талант, как говорили в старину, дар божий. Это относится к представителям любого вида исполнительского искусства; артистам, художникам, скульпторам, музыкантам. И, возьму на себя смелость утверждать, также относится к спортсменам.

Здесь не место выяснять «что есть талант?». Но если бы мне предложили кратко сформулировать суть такого рода человеческого феномена, я бы предложил следующее определение: талантлив тот, кто трудное дело делает легко и непринужденно, наверное, нужна оговорка, что эта легкость внешняя, что за ней – огромный труд и огромные усилия, лишь внешне незаметные. Однако мы договорились не вдаваться в детали.

Так вот главная, на мой взгляд, черта хоккеиста Харламова, что он играл играючи. Раскованно, без каких-либо видимых усилий. Как летит птица. Порой признанных защитников он обходил так непринужденно, что могло показаться – опытный мастер решил побаловаться с детворой на дворовом катке. К слову сказать, защитники частенько в раздражении не прощали харламовской «пренебрежительности» к себе – тем, кто на первых ролях, достается не только слава, но

и тернии. Правда, Валерий Харламов, не отличаясь богатырской статью, обид никому не прощал. Этот парень умел постоять за себя, когда соперник склонялся к тому, что называют «грязной игрой». Но хотя смелость – достойное качество во всех его проявлениях, Харламов все-таки помнится не твердостью в жестких единоборствах, а творческой смелостью...

Он не боялся принять неожиданное решение там, где другой предпочел бы сыграть по стандарту, пусть правильному, рациональному, но стандарту. Его решения часто были остроумны, расцвечивали игру веселыми красками. Да он и вне площадки был остроумным и веселым. И у нас-то не все знали о его личных качествах, а тем более не знали зрители за океаном. Однако его всюду понимали и принимали, он везде быстро становился любимцем публики – настолько полно Харламов умел выразить себя в игре. Как один из знаков этого признания – его портрет в святая святых североамериканского профессионального хоккея – в Музее хоккейной славы в Торонто.

При всем при том его не следует считать баловнем спортивной судьбы. Стоит вспомнить, что поначалу он не пришелся ко двору в ЦСКА, был отправлен в периферийную команду, и не сразу убедили Тарасова вернуть воспитанника клуба в Москву. Считаю нужным упомянуть об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть одаренность Харламова – истинный талант расцветает не только на богатой почве и не только в благоприятную погоду.

Слабенький ребенок

Почему я стал хоккеистом? Признаться, прежде я об этом особенно не задумывался. Но вот однажды меня попросили рассказать, как пришла любовь к хоккею, и я... я не смог ответить на этот вопрос. Просто в детстве я много времени проводил на льду. А потом в один прекрасный день в моих руках оказалась клюшка.

Борис Харламов вспоминал: «Валерик родился очень слабым. Весил меньше трех килограммов, да и откуда было ждать богатыря при тогдашнем-то карточном питании. Обмывал я, как водится, ножки с ребятами в общежитии. Жили мы в ту пору с женой Бегонитой в четвертушке большой комнаты, отгороженной от других семей фанерной перегородкой...»

Вот так в одной комнате с еще тремя семьями и провела первые шесть лет семья Харламовых. А в 1954 году они наконец получили собственную комнату недалеко от станции метро «Аэропорт». Целых двадцать четыре метра – настоящие хоромы! Детей удалось устроить в заводские ясли, потом в детский сад. Ездили они и в пионерские лагеря «Коммунара», гостили у бабушки с дедушкой на Соломенной сторожке, в общем, жили не хуже других.

Валера рос живым веселым ребенком, играл в футбол, с

семи лет стоял на коньках, но, увы, здоровье его как было, так и оставалось слабым. Он то и дело чем-то болел – к тринадцати годам у него за плечами уже были корь, скарлатина и даже ревматизм сердца. Но, конечно, он, как большинство детей, не относился к этому серьезно – подумаешь болезни, ерунда какая!

Мальчишкам, играющим в хоккей, тренирующимся регулярно, приходится нелегко. Это ведь очень непросто – совмещать занятия в первом, третьем или седьмом классе и напряженные тренировки, на которые нужно собираться и ранним утром и поздним вечером. Даже если занятия проходят два-три раза в неделю, даже если тренировка длится полтора-два часа, времени хоккей отнимает все-таки больше. Ибо сюда надо добавить и те часы, которые уходят на сборы, на дорогу.

Время для занятий в школе ЦСКА, как, впрочем, и в любой другой спортивной школе, далеко не всегда самое удобное. Команд много, и лед предоставляется строго по расписанию. Иногда днем, а иногда и ранним утром или поздним вечером.

Когда после выхода из госпиталя я тренировался иногда в одиночку и приходил на каток не только в то время, когда проводили свои занятия мои партнеры, но и утром, то видел мальчишек, которые без опоздания являлись во дворец ЦСКА настолько рано, чтобы уже в семь утра выйти на лед.

Добрых слов заслуживают и родители юных хоккеистов, которые привозят ребят в ранние часы, – бабушки, дедушки, мамы или папы, одним словом, те, кто свободен в это время от работы. И если весной или летом встать рано не очень трудно, то как же тяжело достаётся ребятам, особенно самым маленьким, хоккей поздней осенью или в начале зимы, когда они не только в темноте приезжают на лед, но и затемно покидают каток. В восемь тридцать в декабре ещё темно, а у них тренировка уже заканчивается. А ведь едут они на каток не налегке, а со здоровенными мешками, в которых с трудом умещается вся наша хоккейная амуниция.

Дети, которые учатся во вторую смену, с удовольствием добираются через всю Москву в ЦСКА – хоккей манит, влечет мальчишек, но с каждым годом все меньше остается ребят, которые учатся после обеда, все школы переходят на односменные занятия, и потому все труднее планировать тренировки, все труднее находить для школьников время для уроков на льду.

Тренировки, матчи, знакомая, ставшая привычной атмосфера занятий на льду, раздевалка, к которой относишься уже как ко второму дому, – растут юные хоккеисты, переходят из одной возрастной группы в другую: вторая команда мальчиков, потом первая, затем – третья юношеская, вторая, первая юношеская, наконец молодежная команда.

Борис Харламов, отец Валерия Харламова

Интересно, что Валерий футбол любил едва ли не больше хоккея. И племянника своего уговорил футболом заняться. Твердил ему: «Мне от хоккея досталось – и хватит, а ты лучше в футбол играй». Правда, девятилетний внук мой, сын Валерия – Саша, все-таки по стопам отца пошел, сейчас он в хоккейной школе ЦСКА.

Сам же Валерий любой случай использовал, чтобы в футбол сыграть. Как-то даже специально в Малаховку поехал с Петровым и Михайловым. Они выступали за свой курс областного института физкультуры, а ему, хотя он в московском институте учился, разрешили в виде исключения вместе с друзьями играть.

В футболе он болел за московское «Торпедо» еще со времен Стрельцова, Иванова, Воронина. А в институте с торпедовцем Вадимом Никоновым особенно сдружился. Да и вообще среди футболистов у него было много приятелей.

За футбол он действительно как-то особенно переживал. Обычно на трибунах старался держаться незаметно, больше молчал. Но как-то – именно на футболе – вышел прямо-таки из себя и с каким-то болельщиком даже в спор вступил. Тот решил про одного игрока, что тот притворяется, лежит

нарочно, ждет, чтобы штрафной судья назначил. И вслух об этом сказал. Ну Валерий не удержался, возмутился: «А вы бы сами попробовали, на поле вышли бы». Обидно ему стало за игрока, захотелось заступиться по справедливости...

В 1956 году испанцы, бежавшие в тридцатые годы от гражданской войны в Советский Союз, получили возможность вернуться на родину. Конечно, прошло уже двадцать лет и большинство из них обзавелись в СССР семьями, но в Испании у них остались родители, братья, сестры, и многие серьезно стали подумывать о возвращении. Задумалась об этом и Бегония.

Борис сначала не воспринял ее слова серьезно, он и подумать не мог о том, чтобы уехать из Советского Союза. Но она тосковала все больше, переписывалась с родителями и наконец, когда узнала, что отец тяжело заболел, решила бросить все и вернуться домой. Правда, «все» не означало детей – их она забирала с собой. Те не возражали, конечно, они это воспринимали как интересное приключение и не очень понимали серьезности происходящего. Но когда корабль отчалил от одесского причала, дружно зарыдали, потому что вдруг сообразили, что они уезжают, а папа остается на берегу.

В Испании они быстро освоили язык, пошли в местную школу, но своими себя все равно не почувствовали – все было чужое, и в первую очередь местная религиозность. Бего-

ния тоже ощущала себя некомфортно – решение вернуться она приняла под влиянием эмоций, но в Бильбао быстро поняла, что слишком долго прожила в Советском Союзе, и в этой стране ей теперь тоже почти все чуждо. К тому же, если там она скучала по родителям, то здесь – по мужу. Да и детям здесь было плохо, она это понимала.

Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР

Мне особенно хочется подчеркнуть эту особенность Харламова-игрока сейчас потому, что в качестве чуть ли не главных достоинств его как хоккеиста теперь выделяют самоотверженность, работоспособность, умение действовать строго по заданию. Все это действительно необходимо, но это уровень ремесленника, пусть даже весьма умелого. А ведь нужны, просто необходимы для дальнейшего развития нашего вида спорта игроки-художники, игроки-артисты. И они требуют к себе особого отношения. Отношения, я бы сказал, бережного.

Валерий был гордым человеком. Не гордецом, выставляющим напоказ свои регалии, а именно гордым. Справедливые замечания, порой даже резкие, он принимал с достоинством — благо сам прекрасно понимал, что такое хорошо и что такое плохо. Но несправедливости, не только по отношению к себе, не переносил. И потому был особенно раним.

Да, да, раним. Несмотря на свою, казалось бы, постоянную веселость, общительность, он порой уходил в себя. И возвращал его к жизни — здесь без высокого слога не обойтись — именно хоккеем.

Через несколько месяцев Бегония с детьми вернулись в Советский Союз. С родителями она продолжала переписываться много лет, но в Испанию снова поехала только в 1981 году, хоронить мать. И вернулась как раз к похоронам сына...

Но в 1957 году до этого было далеко, и семья Харламовых радовалась воссоединению. Жаль только здоровье Валеры в Испании не улучшилось, он по-прежнему то и дело чем-нибудь болел. А в тринадцать лет у него и вовсе вдруг отнялись правые рука и нога. Он несколько недель пролежал в больнице, потом три месяца провел в подмосковном санатории в Красной Пахре, а когда его все же выписали, врачи строго-настрого запретили ему поднимать тяжести и заниматься каким-либо спортом. Его даже от физкультуры освободили, угрожая тем, что физические нагрузки могут быть для него смертельно опасны.

Но разве тринадцатилетний мальчишка послушается такого приказа? Как бы не так! Естественно, едва оказавшись на свободе, Валера тут же вернулся к играм с друзьями во дворе, к футбольному мячу и к хоккейной клюшке. От родителей он это, естественно, скрывал, считая себя великим конспиратором, но Борис Сергеевич узнал обо всем довольно скоро.

Узнал и... не стал мешать. Он раз в три месяца возил Валеру на медосмотр, там делали анализы, снимали кардиограмму и говорили, что ухудшений нет, а раз ухудшений нет,

чего мешать? Он сам всю жизнь занимался спортом и был уверен, что без этого жизнь любого мальчишки пуста и безрадостна.

На кого бы я хотел походить? Ответ однозначный невозможен, ибо как нет идеальных хоккеистов, так не существует и идеальных тренеров.

Вот если бы удалось взять две-три черты у каждого...

У Анатолия Владимировича Тарасова я постарался бы перенять его неиссякаемую выдумку, ярче всего проявляющуюся в организации тренировочного процесса, взял бы его беззаветную преданность хоккею. У Аркадия Ивановича Чернышева – спокойствие, уравновешенность, внимательный, заинтересованный подход ко всем хоккеистам. У Бориса Павловича Кулагина – умение поговорить с каждым игроком в отдельности и убедить его в правильности тренерского замысла. Я не раз убеждался: если кто-то не согласен с идеей Кулагина о той или иной тройке, то Борис Павлович непременно сумеет объяснить, почему важно и перспективно именно такое формирование звена.

У тренера, повторяю, как и у каждого из нас, есть свои сильные и слабые стороны, и если игрок понимает это, то он, кажется мне, просто обязан стараться взять все лучшее.

О чем мечтаю я? Собираюсь ли стать тренером?

Если и да, то, как уже говорил, на первых порах не в ко-

манде мастеров высшей лиги. Теперь я уже хорошо понимаю, что тренировать команды значительно труднее, чем играть: ты отвечаешь не за себя или за свою тройку, но за большой коллектив, где собраны разные люди с очень разными характерами. Ты отвечаешь не только за тактическую или техническую подготовку, но и за будущее спортсменов, за то, как складывается их жизнь сегодня, как сложится она завтра. Тренер несет полную ответственность за то, чему спортсмены успевают научиться, выступая за свою команду, – я имею в виду сейчас не только спортивную подготовку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.